

Игорь Ягунов

Побег в Рождество

Игорь Ягупов

Побег в Рождество

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Ягупов И.

Побег в Рождество / И. Ягупов — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Вместе с героями повести вы совершите романтическое путешествие в предновогоднюю Финляндию. Необычная «лав стори» придает произведению особый стиль.

Содержание

ПОБЕГ В РОЖДЕСТВО	6
1	7
2	9
3	13
4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ПОБЕГ В РОЖДЕСТВО

1

Оттепель. И это двадцать первого декабря. Только в Арктике может быть такое. Не зря называют ее метеорологи кухней погоды. И жить на этой кухне не всегда приятно. То морозы уж совсем распояшутся и вожмут красный спиртовой столбик в колбочку термометра. То вдруг захлопает под ногами жижа, казалось бы, в самое благоприятное для холодов время – накануне Рождества. Именно она, Арктика, нависающая со всех сторон над Кольским полуостровом, давит и требует к себе уважения – истеричная, как все женщины.

Вечно клубящиеся в этом углу Европы циклоны и антициклоны сдувают с неба то снежинки, то противную обледенелую крупу, то откровенно мокрые капли дождя. Земля вечной осени под вечно серыми облаками. Здесь с утра может быть минус двадцать, а вечером – плюс пять. И только стук дождевых капель по подоконнику расскажет о произошедшем катаклизме. Дождь да головная боль.

Мы бежим на Рождество в Финляндию. Там климат ровнее. Бежали от морозов. А получилось, что подгоняет нас вслед оттепель. Она пришла, как всегда, внезапно, постучавшись утром в окно падающими с отливов верхних этажей комьями снега. Этот стук нас и разбудил.

Если бы мы выехали сразу, то сейчас бы уже плескались веселыми рыбинами в тропическом бассейне Саарисельки. Забыть на время обо всем – единственное мое желание. Забыть о переговорах с клиентами, о переливах телефонных звонков, о пiske факса по номеру, от которого ждал уже ставшего почти родным голоса делового партнера.

В девять часов нас разбудили срывающиеся вниз комки подтаявшего снега. Собственно говоря, то, что мы не выедем раньше обеда, уже можно было предсказать по осмысленному и бодрому Тошкиному взгляду.

Это была моя ошибка. Надо было завести будильник на шесть утра, как я первоначально и намеревался, согнать очумевшую от такого жуткого недосыпа Тошку с кровати, наспех напихать ее бутербродами и засунуть в машину.

Узнав накануне вечером о подобной экзекуции, Тошка впала в депрессию, вспомнила о своем возрасте и постаралась уверить меня в том, что нет решительно никакой необходимости для такого подрыва собственного здоровья. Она смотрела на меня своими темными нахальными глазами и мостила золотыми кирпичами дорогу к моему чувству сострадания. И я дал слабину. Ее низкий, немного хриловатый голос обладает гипнотическим даром убеждения. Наверное, это помогает ей в бизнесе.

Именно бизнеса я и опасался. Я предчувствовал, что, задержись мы в городе до девяти тридцати, когда начинается рабочий день в офисе, Тошка обязательно поедет туда, чтобы дать последние указания опьяненным предстоящей недельной свободой сотрудникам.

Все, думая, что она уже далеко, будут попивать кофеек за неторопливой беседой или попискивать какой-нибудь новой, еще не освоенной до одури компьютерной игрой. И это совсем не будет означать, что персонал плохо работает. Просто людям нужна разгрузка. Им тяжело постоянно находиться под пристальным взглядом начальницы. Они выполняют всю необходимую работу, ни о чем не забудут и ничем ее не подведут. Но им хочется почувствовать себя хоть немного свободнее. И если нет телефонных звонков и назначенных встреч, то почему бы им не занять свое нечаянно освободившееся время чем-то более интимным и приятным, чем выяснение квадратуры кухни у одних клиентов с последующим убеждением других в самой что ни на есть объективной комфортности именно этой квадратуры?

И тут она влетит в офис. И полкой шубы обязательно смахнет со стола чью-то недопитую чашку горького кофе. И чей-то виртуальный герой почти наверняка будет съеден из-за ее появления ужасным монстром. И застучат клавиши компьютеров, чтобы поскорее убрать с мониторов зловещие лабиринты подземного царства, вернув на них бланки договоров и таб-

лицы с прайс-листами. И именно в этот момент – как будто он заодно с Тошкой – зазвонит телефон. Так, чтобы кто-нибудь поперхнулся печеньем и прямо под насмешливым взглядом начальницы закашлялся в трубку.

Потом Тошка будет сжимать Васькину руку, объяснять ему всю важность своего предстоящего недельного отсутствия и всю его необъятную ответственность по ее замене. Еще и еще раз напоминать ему номер своего сотового, который он и так знает наизусть, да который к тому же забит у него на смартфоне в быстрый набор. И будет просить его, не стесняясь, звонить ей в любое время при малейшем осложнении. Но какие могут быть осложнения? Веселые времена дилетантов прошли, и пришло скучное время профессионалов. Все сотрудники знают, что им делать. Но Тошка требует от них ежеминутного горения.

Отчасти ее можно понять: риелторская фирма создана ей с нуля. Она сама обставляла и обустроивала офис, который теперь окутывает клиентов уютом, создавая необходимую для их последующего пленения расслабленность. Из сетей их «кожаной» комнаты для особо важных гостей, пахнувшей хорошим кофе и коньяком, вырваться почти невозможно. Когда VIP-клиентов нет, Тошка настаивает, чтобы сотрудники сами пили здесь кофе – комната должна все время быть обжитой. И атмосфера идеальной нетронутости интерьера только испортила бы впечатление.

Оставляя фирму, Тошка всякий раз переживает за нее так, как будто бросает грудного ребенка. И предчувствия пагубных последствий – по большей части ничем не мотивированные – ее пусть даже и недолгого отсутствия грызут ее еще до отъезда.

Именно поэтому соорудил я грандиозный план раннего выезда. Шестичасовой подъем, хоть сам по себе и нерадостный, мог спасти целый день наших рождественских каникул. Но Тошка встала на колени и, обвив мои ноги руками, клятвенно заверила меня в том, что в офис не поедет. Конечно, у Васьки все будет под контролем. А если что, он всегда сможет найти ее по сотовому. Да она и сама сможет ему названивать время от времени. И она полнейшая дура, что вечно так переживает за свою работу. Никакая работа не стоит и сотовой доли этих волнений.

Тронутый такой самокритичностью Тошки, я смалодушничал и отказался от несусветно раннего подъема. Тошка от радости хлопала в ладоши. А я терзался смутными сомнениями: так ли уж милосерд я был по природе? Или это собственная лень заставила меня отложить отъезд? Тошка приписала уступку единственно моему добросердечию, не оставив мне выбора. Так что я лег спать, гордясь собой.

Утро, однако, все расставило по своим местам. Тошка, забыв о своих обещаниях, подчинилась инстинкту и сразу после завтрака уехала на работу. Ее твердые гарантии вернуться ровно через час не стоили и гроша. Я пытался, правда, навязаться ей в шоферы, чтобы поскорее вытащить из офиса. Но Тошка, сославшись на предстоящую мне дальнюю дорогу, уехала одна, что окончательно убедило меня в скверности ее замыслов. Так и получилось. Мы выехали из города только в четыре, когда полярная ночь уже полностью вступила в свои права над этим северным краем земли.

2

Мурманск отделяют от финской границы двести с лишним километров. Меньше чем за три часа их не преодолеть. Мрак вокруг машины нарушают лишь световые столбы фар. Места здесь дикие и необитаемые. Дорога плавными поворотами петляет между сопок. Когда-то ее в качестве временки построили финны, возводившие неподалеку плотину ГЭС. По ней из Финляндии подвозились материалы. Финны даже временные дороги строят на века, по всем правилам, с профильной, как на треке, отсыпкой поворотов. Постепенно, уже после ухода финнов, наши ремонтники раз за разом проходили грейдером по лоттинской – она идет вдоль реки Лотта – грунтовке, все более и более выравнивая укусы на поворотах. Через несколько десятилетий подобного варварства дорога пришла в упадок и стала почти непроезжей летом. Зимой лед сковывает резвые ручьи, подгнившие сваи мостов и навезенные дорожниками за лето песок да гравий. Дорога прочищается все теми же грейдерами, накатывается большегрузами и лесовозами, приобретая обманчиво роскошный вид. Правда, на ней не стоит злоупотреблять быстрой ездой, дабы не пролететь мимо очередного крутого поворота.

Я держу восемьдесят. Перелески корявых берез сменяются болотами, которые лежат сейчас под снегом, как огромные футбольные поля. Потом березы сменяются сосняком или ельником, чтобы затем открыть случайному взгляду блестящую в лунном свете полосу какой-то речушки.

Темно. Темно везде: сверху, сбоку, в машине. Фары бессильно бьются об эту темноту. Их хватает только на то, чтобы оконтурить перед капотом джипа бесконечную ленту дороги. Да на бесчисленных поворотах ударить по ближним деревьям, закутанным, как привидения, в белые саваны. Деревья на мгновение, как в аттракционе «Комната страха», выступают, словно живые покойники, вперед и опять исчезают в темноте, как только луч света соскальзывает с них и несется вместе с машиной вперед.

Перевернутая чаша небес с продирающейся вслед за нами сквозь облака полной Луной давит своей огромностью. Наш джип кажется крохотным очагом жизни в безбрежном море пространства. Редкие встречные машины – как межгалактические корабли братьев по разуму, обнаруженные в глубинах мертвого космоса. Они проносятся мимо на сложенных встречных скоростях. И мы с Тошкой снова одни под этим черным небом.

В морозы весь пейзаж казался бы сине-фиолетовым. Снег, небо, деревья, тени – все играло бы оттенками от голубого до темно-лилового. Все укладывалось бы в прокрустово ложе этого узкого сектора цветового спектра. И только в ясную погоду небосвод время от времени переливался бы фосфоресцирующей зеленью северного сияния. Как будто кто-то включил на нем огромный осциллограф. Кроме синего, фиолетового и фосфоресцирующего зеленого других цветов у холода не существует. И они тем ярче, чем морозы крепче.

В этом году они насели на Кольский полуостров с середины ноября, стали давить и выжимать влагу из всего живого. Все словно высохло: хрустящие иголки снежинок, с воздушной роскошью улегшиеся в огромные сугробы – обманчиво прочные и массивные, режущий горло воздух, похожее больше на дым, чем на пар, дыхание, потрескавшиеся губы.

Мороз убыстряет все процессы. Мужчины носятся по улицам, как сумасшедшие. Женщины в белых от инея шубах со стоящим дыбом мехом ходят огромные и волосатые, как белые медведи, закрывая варежками носы. Машины с особым хватким рвением скрипят шинами по обледенелым, но абсолютно не скользким при такой температуре дорогам. Да и сами дела, как кажется, решаются если и не лучшим образом, то, во всяком случае, быстро.

Мороз веселит и подзадоривает. Первую неделю. Восьмое утро и далее по календарю вы уже начинаете со скорбного моциона к окну, за которым висит термометр. Блестящими – то ли со сна, то ли от надежды – глазами вы, прищуриваясь, стараетесь рассмотреть в заоконной

тyme долгожданные симптомы повышения температуры. Так больной ждет своего выздоровления. Вы робко проводите взглядом по позвоночному столбу измерительной трубки и не отыскиваете красный спиртовой наполнитель вообще. Растерявшись, вы делаете новый вираж глазами и проходите взглядом по термометру с особой тщательностью. Только с третьего захода вы наконец обнаруживаете красный штришок, забившийся где-то между двадцатью пятью и тридцатью градусами. Точность уже не важна.

– Не потеплело, – грустно констатируете вы и тут же подводите итог: – Черт бы побрал эту небесную канцелярию.

При таком отношении вряд ли можно рассчитывать на милость со стороны дирижеров матушки Погоды. Кем бы они ни были: работниками ли чертовой, но по чьей-то ошибке обосновавшейся на небе канцелярии, или массами воздуха, страдающими гипертонией и несущимися на прием к своему лечащему врачу именно над тем самым заброшенным ледниковыми камнями краем земли, где вы имеете счастье обитать.

Через месяц подобных холодильных температур мы с Тошкой окончательно оледенели. От постоянного клаянья зубами Тошка потеряла пломбу. Вынося свое роскошное тело из кабинета дантиста, она простонала (я находился в коридоре, ибо сопровождал любимую женщину для укрепления ее мужества):

– Мы уедем от этих проклятых морозов. Мы сядем сейчас же в машину и поедем на юг.

Здравые мысли покинули Тошку, как только улеглась боль после отошедшего укола. «Сейчас же» было отложено до Рождества, а «юг» поджался почти к самому полярному кругу, достигнув границ финской Лапландии. Но и это уже была победа: Тошку трудно оторвать от работы. Собранное по крупницам благосостояние требует ежедневного контроля.

Я позвонил Юсси, чтобы забронировать его загородный коттедж на рождественскую неделю. Сначала финн отказал мне напрочь:

– Как можно. Я сам буду справлять там Рождество. Со своей собственной семьей. И не лучше ли вам подождать немного и приехать на это ваше русское Рождество?

Я объяснил ему, что мы не можем ждать, что мы хотим убежать от морозов, что мы уже пять недель боремся с холодом и просто не доживем до русского Рождества. Юсси привык быть победителем. Потеря клиента не входила в его планы. Поэтому преимущества отсрочки нашего визита обрушились на меня с новой силой.

– Мы приедем, – сказал я. – Все равно приедем на следующей неделе. Нравится тебе это или нет. Я так решил. И мне удалось убедить Тошку в правильности моего решения. Мы бронируем отель. В отелях на Рождество всегда пусто. Все встречают этот праздник дома. Это только ты, Юсси, гонишь семью в засыпанный снегом коттедж. Что касается нашего русского Рождества, то мы, как и все нормальные люди, тоже хотим провести его дома.

Победительный дух Юсси при ближайшем рассмотрении был весьма похож на алчность. Иногда, говорят, их даже путали. Услышав о варианте с отелем, дух взбунтовался и заставил финна отказаться от своих видов на загородное празднество.

Собственно говоря, Юсси живет в отличном доме километрах в тридцати от своего загородного коттеджа. В доме есть камин и сауна. Вокруг ельник, рядом озеро. В чем отличие этих двух мест и почему одно из них называется городским домом, а другое – загородным коттеджем, я никогда не понимал. Наверное, исключительно смена обстановки и легкий флер предпраздничных сборов побудили финна собраться на Рождество за город.

Потеря клиента, однако, перевесила все преимущества – объективные или субъективные – выезда поближе к лону природы. И я получил коттедж под твердую гарантию своего прибытия...

И вот мы едем. Хотя мороз исчез. Получилось, что сбежал он, а не мы. Еще вчера вечером он выжимал из швов домов белый туман. А сегодня утром мы проснулись с легкой головной болью и ощущением великих перемен. Градусник завис немного выше нулевой отметки.

И хрупкий сиреневый пейзаж рассыпался на разноцветные кубики, словно повернули тубус калейдоскопа. Все раскисло, снег набух влагой и стал похож на старое желтоватое сало, вытасченное из холодильника в теплоту квартирной кухни. И кажется, что мы – карлики – мчимся в своей крохотной машинке по огромному шмату соленого шпика с рассыпанными укропом ельничками и мясными прожилками скальных плит, торчащих кое-где из крутых укосов сопок.

В такую погоду краски кажутся особенно яркими и жирными, как если бы кто-то протер все предметы вокруг тряпкой, смоченной в глицерине. Может быть, тому виной влажные стекла машины? Они обледенели за ночь, теперь оттаяли, покрывшись мельчайшими капельками воды. Время от времени одна из них не удерживается на скользкой поверхности и катится вниз, попутно сбивая и увлекая за собой все новых и новых соседок. К нижней кромке стекла подкатывается уже весьма крупная и важная от собственной значимости капля, способная отразить на своей выпуклой напряженной поверхности трепещущие в дымке воздуха огоньки пролетающих мимо редких встречных машин.

Мне некогда разглядывать капли: я веду джип и чувствую себя одиноко. Темно. Полярная ночь. Канун Рождества. Тошка дремлет на заднем сиденье. И мне видно в зеркале ее усталое лицо. Она достаточно накрутилась за день и провела несколько часов на работе, оставшись глубоко уверенной в том, что все-таки забыла растолковать подчиненным что-то самое важное.

И только теперь Тошка умиротворилась и почувствовала, что впереди ее ждет отдых. Надеюсь, что у Васьки хватит сообразительности не трезвонить ей сейчас, чтобы выяснить, когда нужно поливать стоящий на ее столе кактус. Васька, как кажется, ценит в Тошке деловую женщину даже больше, чем сама Тошка себя таковой считает. Да, надо было отключить телефоны. Я бросаю взгляд на часы. Половина седьмого. Васька, наверное, уже ушел домой. Кто же будет задерживаться на работе в отсутствие начальства? Как все-таки быстро бежит время в этой безмолвной пустоте. Кажется, всего пару часов назад мы проснулись утром у себя дома – и вот уже вечер. Скоро будет граница. Машина покрывает километры мрака...

Хорошая машина. Я познакомился с ней при весьма интересных обстоятельствах и полюбил с первого взгляда. Я проработал в фирме чуть больше месяца. Финны приехали неожиданно и позвонили из гостиницы.

– Возьму такси, – сказал я Тошке.

Она разговаривала по телефону, но буркнула, зажав микрофон ладошкой:

– Какая дурость.

Да, ехать показывать квартиру за сто двадцать тысяч евро на такси – это дурость. Я сам это понимал. Те несколько встреч, которые я к этому времени провел, избавили меня от неловкости подобного положения. Либо я ждал иностранцев уже в квартире, либо они заезжали за мной на своей машине. Эти финны прилетели из Хельсинки самолетом.

– Дурость, – опять пробурчала Тошка и стала рыться в портфеле.

Потом она протянула мне ключи:

– Возьмешь мою машину.

– Какая?.. – начал было я.

Но Тошка, занятая телефонным звонком, только отмахнулась:

– Он сам тебя узнает.

К этому времени мы уже пару раз обсуждали с ней бизнес-планы и даже ходили в ресторан, но машины ее я не видел. Я вышел из подъезда и обвел взглядом парковку, забитую автотранспортом и смахивающую на прихожую, где гости, пришедшие на вечеринку, оставили свою обувь. Я ожидал многого. Но когда мне доверчиво подмигнул огромный «Рендж Ровер», я оробел. Мой новый знакомец приветливо заурчал четырехлитровым двигателем и охотно тронулся с места. Он явно симпатизировал мне как хозяину. И то сказать, для женщины он был тяжеловат. Почему Тошка выбрала именно эту машину? Может быть, она досталась ей от бывшего мужа? Я никогда ее об этом не спрашивал. Скорее всего, она отшутилась бы, сказав, что

купила его специально для меня. Ведь я обожаю тяжелые мордастые машины. Они вызывают во мне страсть. И я влюбился в Тошкин джип с первого взгляда.

3

На часах уже начало восьмого. Полярная ночь смещает представления о времени. И если в городе, в гуще людей и машин, еще можно как-то ориентироваться, то на безлюдной дороге время неопределимо без часов. Можно выделить почти полуденный рассвет, за которым следует краткий световой период, который на Севере по традиции называют днем. Хотя это вовсе не день с астрономической точки зрения, ибо Солнце из-за горизонта в полярную ночь не показывается по определению. Далее, часов с трех, накатывают сумерки, быстро переходящие в глухую, непроглядную ночь. И все время кажется, что надо ложиться спать.

Пограничный пункт Лотта. Метрах в трехстах впереди – финская застава Райа-Йосеппи. Заспанная Тошка, зевая, тащится в каптерку. Таможенники осматривают машину. Впрочем, сложенные там вещи, кажется, мало их интересуют. Может быть, наши лица внушают им доверие?

Теперь Тошка садится рядом со мной на переднее сиденье. Ее сон перебили, а свежий воздух окончательно взбодрил ее голову. Женщина полна энергии, ей хочется есть.

– Через час мы будем в отеле и пойдем в ресторан, – утешаю я Тошку.

Вообще-то перед отъездом мы пообедали. Но дорога комкает время и убыстряет физиологические процессы.

Тошка находит в бардачке шоколадку.

– Ты перебьешь аппетит, дорогая, – говорю я ей.

Мы пересекаем границу. Похоже, Тошка несколько не напугана моим предостережением. Она хрустит фольгой. Под этот праздничный веселящий шелест мы въезжаем в страну Рождества.

– Она в бардачке лежит от царя Гороха. Проверь срок годности, – не унимаюсь я.

Меня душит жаба, что я сам не догадался заглянуть в бардачок. Женские глаза округляются от испуга. Тошка – грамотный потребитель. В полумраке салона она ерзает носом по обертке, наклоняя плитку шоколада то так, то эдак, чтобы поймать на нее все время ускользающий куда-то свет Луны и рассмотреть злосчастный срок годности.

– До следующего марта, – ликует она.

Запах шоколада будит во мне гастрономического террориста. И я провоцирую уже выделившую желудочный сок женщину:

– Это при соблюдении условий хранения.

Тошка подозрительно косится на шоколад.

– Если хочешь, я могу испытать его на себе, – предлагаю я.

Тошка скулит от негодования и откусывает гигантский кусок. Мои коварные планы и хитроумные подходы провалились. Мне достается лишь малюсенькая долька, один единственный квадратик стограммового лакомства.

– Ты потом расквасишься в своей жадности, – угрожаю я.

– Это когда же? – интересуется Тошка.

– За ужином в ресторане, когда тебя после сладкого будет тошнить.

Тошка самодовольно хмыкает: она согласна. Еще бы. До Саарисельки больше часа езды. Любой согласится на какую-то далеко не безусловную, а только возможную в перспективе тошноту в обмен на замороженного червячка здесь и сейчас. Я очень хорошо понимаю Тошку. На ее месте я поступил бы точно так же. Жаль, ах, как жаль, что я забыл об этой шоколадке. А может, я никогда о ней и не знал? Интересно, кто и когда ее туда положил? Наверное, все же Тошка. Я бы никогда не забыл о такой вещи, особенно в условиях, когда голод обострил мои чувства.

Почему мне в дороге всегда хочется есть? Половина восьмого. Если бы мы не поехали в Финляндию, то сейчас только-только вернулись бы домой. И об ужине еще никто бы и не

думал. Но дорога... Наверное, она поглощает энергию, требуя к себе повышенного внимания. А ведь Тошка не была за рулем. Шоколадка по всем законам гуманизма должна была достаться именно мне. Что, если я, потеряв бдительность и скорость реакции, сгоню джип в кювет? Кто будет виноват в этом, как не любимая женщина, укрепившая себя шоколадом без всяких на то веских причин?

– Давай от границы поведу я, – как будто читая мои мысли, предлагает повеселевшая от перекуса Тошка.

– Я не устал, – дуюсь я, мечтая об ужине.

Тошка замолкает. Она довольна жизнью и вовсе не хочет вести машину. Ее предложение являлось лишь долгом вежливости, моральной компенсацией за фактически единоличное съедение шоколада. И я полностью оправдал ее надежды.

В домике финской таможни нас встречает девушка с глазами хаски и ставит въездной штамп в наших паспортах. Возвращая их нам, она с вкрадчивой улыбкой интересуется целью нашей поездки. Это дежурная фраза. Должны же пограничники страны Суоми проявлять хоть какую-то бдительность? Вопрос задан по-английски. И Тошка бурчит сзади деловым тоном, не терпящим возражений:

– Отдых, отдых.

Тошка всегда болезненно реагирует на любой, даже самый формальный интерес ко мне со стороны других женщин. Ревность это или нечто другое – не знаю. Тошке сорок восемь. И мое тридцатилетнее тело является для нее в некотором роде категорией престижа. Меня, как редкую лесную тварь, надо стеречь и охранять от браконьеров.

– Мы приехали в вашу замечательную страну, чтобы встретить Рождество, – стараюсь я смягчить Тошкину надменность.

Мой финский не очень хорош. Но девушка все равно тронута ответом. Финны очень радуются, когда иностранцы обращаются к ним на их родном языке. Для большинства европейцев он слишком сложен. И мало кто балует северный народ его изучением.

– Хорошего Рождества, – тает девушка с раскосыми глазами. – Добро пожаловать в Финляндию.

И мы проезжаем.

4

Страна Рождества открывается перед нами. Совсем такая, какой представлялась она нам в детстве. С маленькими домиками, стоящими то тут, то там вдоль дороги. С мерцающими в них, как звездочки, огоньками. Со свечами, горящими прямо во двориках перед входными дверями. С украшенными гирляндами лампочек елками – то ли растущими прямо здесь, возле домиков, то ли привезенными из лесу и воткнутыми в снег, чтобы радовать не только обитателей дома, но и проезжающих мимо путешественников. Звезды на чернильно-синем небе соревнуются друг с другом на право быть Вифлеемской. Даже Луна здесь, по ту сторону границы, кажется какой-то принарядившейся и от этого более рождественской.

От границы до ближайшего финского городка Ивало около пятидесяти километров. И большую их часть приходится преодолевать по грунтовке. Слов нет, финская грунтовка прекрасно профилирована. Это как раз и добавляет пикантности всему маршруту. Дорога извивается во всех трех измерениях мягкими волнами. То вас ведет вправо вверх, то влево вниз. То нос автомобиля задирается, как у истребителя на взлете, то вы проваливаетесь вместе с машиной в темную пустоту.

Мы кувыркаемся по рождественской дороге. И звезды с Луной вращаются за окнами джипа. Полное ощущение космического полета. А мы – астронавты, которые преодолели сотни тысяч световых лет в поисках счастья. И мы рассчитываем встретить его здесь, в стране рождественского козла (именно так называют в Финляндии Деда Мороза), при свете далекой и непреклонной Полярной звезды.

В моей душе играет праздник. Я пилотирую наш астроджип по изгибам грунтового Млечного Пути. И радость готова вырваться из меня выпрыгнувшим из груди сердцем. Как будто мы едем на Рождество к самому имениннику. И именно здесь, в этой стране, в это самое Рождество он снова придет на Землю.

Тошка, похоже, не разделяет моей радости. Шоколад дал-таки себя знать. И во время качки ее явно растрясло. Она побледнела и, стоически стискивая пухлые губы, покачивается в люльке сиденья. Можно было бы позлорадствовать. Есть у меня такое моральное право после проявления Тошкиной жадности при поедании сладости. Но приподнятое настроение не оставляет места на подобные низменные инстинкты. И я гляжу на женщину блестящими от восторга глазами...

Тошка, тогда я звал ее Антониной Александровной, понравилась мне сразу, как только я ее увидел. Так ли уж она привлекательна? Не знаю. По отношению к ней я не могу проявить объективность. Мне всегда нравились ухоженные женщины старше меня. Я из тех мужчин, что ищут в спутнице жизни реальную альтернативу заботливой матери. Мне не нужна жена, которая будет висеть камнем на моей шее и только требовать, требовать, требовать. Чего? Да всего: помощи по хозяйству, заботы, советов, детей, денег. Как можно больше денег – на этих самых детей и это самое хозяйство. Скука! Я никогда не хотел так жить.

И я нашел Тошку. Я влюбился в ее насмешливые и злые глаза, в ее презрительный рот. Уверенность ее голоса не оставляла сомнений: такая женщина не будет ныть и вечно чего-то требовать. Интересно, а я произвел на нее впечатление при нашей первой встрече? Что она думала в тот момент и определила ли сразу пути нашего последующего сближения? Не знаю. Скажу одно: я был вовсе не против того, чтобы попасть беспомощной мухой в ее роскошно расставленные сети. Тошка дала мне так много, что я должен быть благодарен ей по гроб жизни. Так, наверное, и будет. Я предчувствую, что наш роман продлится долго.

– Пока у меня не закончатся деньги, – зло шутит Тошка всякий раз, когда я говорю ей об этом.

Она не права. Мои чувства к ней никогда не являлись лишь меркантильным расчетом. Она должна это понимать. Наверное, ей просто хочется лишний раз выудить из меня признание своей значимости в моей жизни. Это льстит ее самолюбию. К слову сказать, это польстило бы любому самолюбию...

Прямо перед нами на трассу выходит олень. Наверное, он просто хотел перейти дорогу, направляясь по каким-то одному ему ведомым, но, очевидно, весьма важным делам в ту часть мелкосопочника, что лежит к северу от грунтовки на Ивало. Растерявшись в пронзительной белизне дальнего света, он вдруг меняет направление и начинает неспешно трусить перед нами вдоль дороги. Такие ЧП случаются в Лапландии на каждом шагу. Оленей здесь множество. На дорогах повсюду стоят специальные знаки: «Внимание! Олени!» Финны и те, кто часто приезжает на машине в страну Рождества, давно к этому привыкли.

Я сбрасываю скорость – пугать оленей сигналом или ревом мотора в Финляндии не принято – и тащусь вслед за плавно покачивающимся перед нами белым оленьим зеркалом. Это еще не самое плохое развитие ситуации. Бывает, что олени ложатся на дороге. Какая-нибудь глупая мамаша с парой подруг и оленятами располагается на шоссе для ночлега. Тогда приходится ждать, сигналить, пытаться объехать безмятежную группу. Олени здесь наглые и подчас ведут себя скверно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.